Текст · 20 октября 2022, 16:12
Фрэнсис Фукуяма,

Конец истории продолжается. Философ Фрэнсис Фукуяма — о слабых местах сильных авторитарных режимов

Война в Украине показывает, что авторитарные государства далеко не так сильны, как хотят казаться. Режимы, которые в последние десятилетия противопоставляли себя либеральному Западу, сейчас оказались в довольно тяжелом положении — это относится не только к России, но и, например, к Китаю и Ирану. Политолог и философ Фрэнсис Фукуяма в 1992 году написал книгу «Конец истории и последний человек», в которой предрекал окончательное торжество либеральной демократии в мире. В колонке для журнала *Atlantic* он объясняет, почему его тезис 30-летней давности совершенно не потерял актуальности.

В последние десять лет мировую политику во многом определяли сильные с виду государства, чьих лидеров не сдерживают законы или необходимость сверяться с конституцией. Россия и Китай постоянно говорят, что либеральная демократия в упадке — только их напористые авторитарные правительства могут действовать решительно и доводить дело до конца, пока соперники-демократы обсуждают, сомневаются и в итоге не могут выполнить свои обещания. Эти две страны были в авангарде новой волны авторитаризма, которая сводила на нет достижения демократии по всему миру, от Мьянмы до Туниса и от Венгрии до

Сальвадора. Но в этом году стало абсолютно ясно: у этих сильных государств есть слабые места.

Слабых места два. Во-первых, власть, сосредоточенная в руках единого лидера на самом верху практически гарантирует низкий уровень принятия решений, который со временем приведет к катастрофе. Во-вторых, в этих якобы сильных государствах отсутствуют и общественная дискуссия, и общественный контроль, а значит, поддержка лидера на самом деле поверхностна и может исчезнуть в любую минуту.

Сторонники либеральной демократии не должны поддаваться фатализму, который заставляет слепо верить российско-китайской идее неизбежного упадка демократического строя. Развитие современных ценностей не идет по колее и не происходит само собой. Даже за последние сто лет либеральные и демократические ценности не раз терпели фиаско, возьмем взлет фашизма и коммунизма в 1930-е или военные перевороты и нефтяные кризисы в 1960-е и 1970-е.

И все же либеральная демократия не раз выдерживала эти испытания и возвращалась, потому что все, что предлагается взамен, ужасно. Людям, принадлежащим к самым разным культурам, не нравится жить в диктатуре, они ценят личную свободу. В долгой перспективе авторитарные правительства не могут предложить общественное устройство, которое было бы привлекательнее либеральной демократии и, соответственно, могло бы стать конечной целью исторического прогресса. И миллионы людей, бегущих из

своих бедных, коррумпированных, опасных стран — нет, не в Россию, Иран или Китай, а на либерально-демократический Запад, — в полной мере это подтверждают.

Чеканное выражение философа Гегеля «конец истории» относилось к рождению либеральной государственности из Французской революции как цели или направления исторического прогресса. Десятилетиями марксисты пользовались гегелевским определением, чтобы доказать, что концом истории будет коммунистическая утопия. Когда в 1989 году я написал статью, а в 1992 году — книгу с этими словами в названии, я отмечал, что марксисты явно ошиблись и удачной альтернативы либеральной демократии нет. Да, за последние 15 лет мы не раз видели пугающие развороты на пути к либеральной демократии, но эти задержки не означают, что сама идея себя не оправдала. Ни одна из предложенных альтернатив не может похвастаться особыми успехами.

Слабые места сильных правительств особенно хорошо видны на примере России. Все решения принимает лично Владимир Путин; даже в бывшем СССР было политбюро, с которым генсек должен был обсуждать решения государственной важности. Мы все видели фотографии Путина за длинным столом. Его изоляция была настолько полной, что он понятия не имел, насколько сильным стало в последние годы украинское национальное самосознание и насколько яростное сопротивление вызовет его вторжение. И точно так же никто не рассказал ему, как глубоко проникли коррупция и халатность в его собственные вооруженные силы, как плохо работают современные

вооружения, которые он создал, и до какой плачевной степени не обучен его командный состав.

Что касается низкого уровня поддержки режима, то он стал очевиден, когда молодые русские мужчины бросились к границам сразу после того, как он объявил «частичную» мобилизацию 21 сентября. Сотни тысяч россиян уехали в Грузию, Казахстан, Финляндию и любые другие страны, которые готовы были их принять, — гораздо больше, чем официально собирались мобилизовать. А тех, кто попал под призыв, бросают на поле боя без подготовки и обмундирования, многие уже погибли или попали в плен. Легитимность Путина основывалась на общественном договоре, который обещал гражданам стабильность и намек на процветание в обмен на политическую пассивность, но режим нарушил договор и теперь имеет дело с последствиями.

Низкий уровень принятия решений и поверхностная поддержка привели к вопиющей стратегической ошибке, равной которой и не вспомнить. Вместо того, чтобы показать свое величие и восстановить империю, Россия стала объектом насмешек всего мира и будет еще не раз унижена Украиной в ближайшие недели. Российская армия на юге Украины, скорее всего, будет разбита, и впервые с 2014 года у украинцев есть шанс освободить Крым. Такой поворот событий уже спровоцировал разнообразные выяснения отношений в Москве, и Кремль стал еще жестче обращаться с инакомыслящими. Сможет ли сам Путин устоять после поражения российских войск — вопрос открытый.

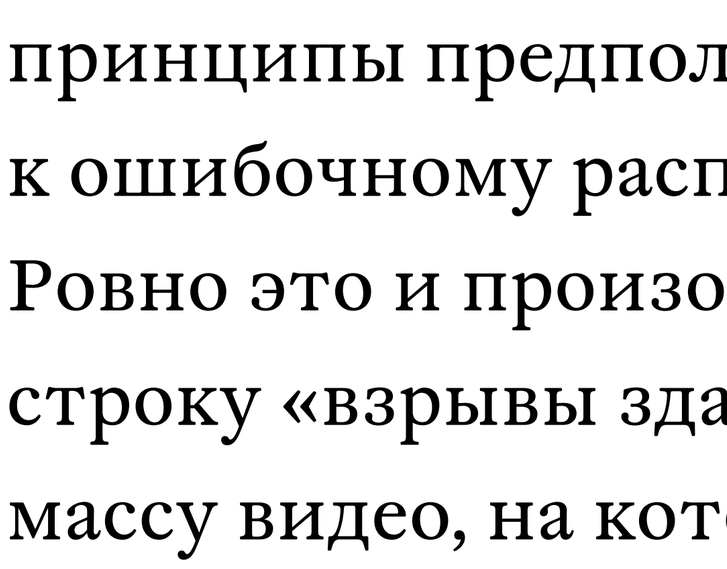
Что-то похожее, хотя чуть менее заметное, происходит в Китае. Одним из отличительных признаков китайского авторитаризма в период между реформами Дэн Сяопина и приходом к власти Си Цзиньпина было то, насколько он был регламентирован. Правители должны были следовать правилам и не могли делать, что им в голову взбредет. Китайская коммунистическая партия сама наложила на себя массу ограничений: обязательный пенсионный возраст, строгие меритократические ограничения при принятии в партию и продвижении по карьерной лестнице, а главное — запрет занимать руководящие партийные посты больше десяти лет. Дэн Сяопин установил систему коллективного лидерства ровно для того, чтобы предотвратить возможность единоличной власти одержимого лидера вроде Мао Цзэдуна.

Почти все это было демонтировано под властью Си Цзиньпина, который получит благословение своей партии на третий пятилетний срок в качестве руководителя на XX партийном съезде. От коллективного руководства Китай сдвинулся к персоналистской системе, в которой ни один высший чиновник не может противостоять Си.

Такая концентрация полномочий в руках одного человека в свою очередь привела к низкому уровню принятия решений. Партия начала вмешиваться в экономику, ставя палки в колеса технологическому сектору, в первую очередь его звездам *Alibaba* и *Tencent*-. В погоне за сельскохозяйственной независимостью страны китайских фермеров заставили сажать базовые культуры себе в убыток. А стратегия «нулевой терпимости» к ковиду привела к тому,

что целые регионы Китая постоянно оказываются в локдауне, что уже снизило экономический рост страны на несколько пунктов. При этом отменить политику «нулевой терпимости» не так просто: Китай не смог закупить эффективные вакцины, и большая часть граждан старшего возраста может серьезно пострадать от болезни. То, что два года назад выглядело как триумфальная победа над коронавирусом, сегодня превратилось в затянувшуюся неудачу.

Все это накладывается на провал стратегии экономического роста страны, которая основывалась на мощном участии государства в рынке недвижимости, именно он должен был двигать экономику вперед. Базовые экономические принципы предполагают, что такой подход приводит к ошибочному распределению огромных ресурсов. Ровно это и произошло. Вбейте в поисковую строку «взрывы зданий в Китае», и вы обнаружите массу видео, на которых обрушиваются целые жилые комплексы, потому что некому покупать там квартиры.

Протесты после смерти Махсы Амини в Тегеране, Иран, 1 октября 2022 года. Фото: Middle East Images / AP

Эти промахи авторитаризма не ограничиваются Китаем. Иран уже больше месяца сотрясают протесты, начавшиеся после смерти Махсы Амини от рук полиции нравов. Иран в ужасной форме:

назревает банковский кризис, начинаются перебои с водоснабжением, серьезные проблемы в сельском хозяйстве, а ведь есть еще международные санкции и изоляция. Несмотря на то, что страна находится в положении парии, население в Иране очень образованное, причем женщины составляют большинство среди жителей, имеющих высшее образование. Но власть удерживает небольшая группа людей, чьи представления о развитии общества устарели уже пару поколений назад. Неудивительно, что режим столкнулся с серьезнейшим риском потерять легитимность. Единственная страна, которая может похвастаться еще более неудачным правительством, — это Венесуэла, за последнее десятилетие она подарила миру самое большое количество беженцев.

Так что праздновать взлет сильных правительств и падение либеральной демократии пока рановато. Именно из-за того, что либеральная демократия предполагает разделение власти и договор с гражданами, в мировом масштабе ее положение значительно лучше, чем многие думают. Несмотря на недавние успехи популистских партий Швеции и Италии, большая часть европейских стран по-прежнему наслаждается высоким уровнем общественного согласия.

К сожалению, серьезные вопросы вызывает Америка. От 30 до 35 процентов избирателей до сих пор верят ложной теории о якобы украденных президентских выборах 2020 года, а Республиканская партия захвачена последователями Дональда Трампа, которые хотят «вернуть Америке былое величие». Эта группа не представляет большинство, но вполне

может взять контроль над Палатой представителей в этом ноябре, а возможно, и получить президентский пост в 2024 году. Неформальный лидер партии Дональд Трамп все глубже опускается в пучину конспирологического безумия и всерьез верит, что ему могут вернуть президентское кресло, а всех его предшественников, включая тех, кто уже умер, отдать под суд.

Успех сильных правительств за границей и популистских политиков внутри страны тесно связаны. Такие политики, как Марин Ле Пен и Эрик Земмур во Франции, Виктор Орбан в Венгрии, Маттео Сальвини в Италии и, конечно, Трамп в Америке, открыто симпатизировали Путину. Для них он — ролевая модель сильного правителя, которую они хотят применить к своим странам. Путин, в свою очередь, надеется, что их успех ослабит уровень западной поддержки Украины и спасет его бьющуюся в конвульсиях «специальную военную операцию».

Либеральная демократия не возродится, если люди не будут за нее бороться. Проблема в том, что многие из тех, кто живет в мирных процветающих демократических странах, воспринимают эту форму правления как должную. Из-за того, что они никогда не пробовали жить под властью реального тирана, они воображают, что демократически избранные правительства — в Брюсселе или Вашингтоне — это на самом деле страшные диктатуры, которые замыслили отнять у них права. Но реальность все расставила по своим местам. Российское вторжение в Украину — история о настоящей диктатуре, которая пытается раздавить истинно свободное общество ракетами и танками, и это должно напомнить нынешнему

поколению, что стоит на кону. Сопротивляясь российскому империализму, украинцы высвечивают ужасающую слабость, которая лежит в основе сильного с виду государства. Они понимают, в чем ценность свободы, и сейчас они бьются и за нас тоже, поэтому мы все должны встать с ними плечом к плечу.

Автор: Фрэнсис Фукуяма

Оригинал: *More Proof That This Really Is the End of History*, *The Atlantic, October 17, 2022*

Перевод: Вера Нюхлер